

АЛЕКСЕЙ ЖИРАФОВ

Шёл один крючок...

Подарочное издание

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Жирафов
Шёл один крючок...

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Жирафов А.

Шёл один крючок... / А. Жирафов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Большинство людей по странной прихоти разума считают себя порядочными и культурными людьми. Моя книга написана для этих людей. В любой момент — радости или отчаяния — каждый найдет поддержку своим чувствам. Жанрово это — книга-лабиринт, книга-общезитие (легко зашёл — легко вышел), кладезь глупости и ума, беспричинного смеха и тонкой живописи. И мой совет — дочитайте книгу до конца, чтобы вам повезло в этой или другой жизни... Для всех, кто любит жить, встречая рассветы и провожая закаты. Впервые в мировой литературе ничего нельзя сказать плохого об этой книге. Содержит нецензурную брань.

© Жирафов А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Алексей Жирафов	5
Пояснение	6
Из посвящений	7
Интервью литературному журналу «Культура, или Ночная жизнь» (США, Нью-Йорк)	8
Из цикла «Назидательные зоологические и физиологические сказки»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Посвящается уличной кошечке-трёхцветке из Амстердама

К 100-летию Броуновского движения

Алексей Жирафов

Путешественник и землевед,
Кавалер Ордена Розовой подвязки (в виде банта),
Почетный гражданин ныне заброшенной деревни Отрада (Костромская область)

Пояснение

Книга разделена на самостоятельные главы, объединенные философски-ироничным изложением различных повседневных историй для понимания своего места в современной жизни.

В интервью дается широкое полотно состояния теперешней литературы и сложных взаимоотношений старых друзей-литераторов, всё же приходящих в конце беседы к консенсусу. Жесткая критика некоторых нелицеприятных сторон текущего бытия.

В цикле «Назидательные... сказки» – блестящий ответ тем, кто сомневается в животном мире наших братьев меньших. «Сказки народов мира» возвращают нас в волшебный мир сказок и интимных предпочтений (например, любовь человека и лягушки). Давно забытое чувство приобщения к прекрасному заменяет посещение Пушкинского музея и «Третьяковки».

Цикл «Дошел... Не дошел» – грусть и радость, особенно после приятного ужина и общения с приятными людьми и животными же. На все случаи жизни цикл имеет болеутоляющий эффект.

Стихи – апофеоз творческих мук, можно не читать. Некоторые стихи входят в общемировой гуманитарный фонд (ломбард), Бродский и Пастернак хвалили бы.

Книга написана для осознанных личностей от 15 до 89 и далее лет, для ищущих и думающих, что они отличаются от других по определению.

Большинство иллюстраций ручной работы, выполнены автором, левой рукой.

© А. Жирафов, с дополнениями, 2019.

Из посвящений

И буду и так, и сяк любезен я народу...»

Александр Пушкарёвский

* * *

«Помимо кузнецов, шелешпёр может идти на свист и выпечку...»

О. Сабанеев «О необычной ловле речной рыбы в Калужской губернии»

* * *

«Люди, верящие в высшие силы, часто опасны для коллектива»

Эрих Мария фон Пепендорф «Анатомия ненужных вещей в каменном и нашем веке»

Интервью литературному журналу «Культура, или Ночная жизнь» (США, Нью-Йорк)

Это интервью состоялось в Нью-Йорке, в небольшом кафе на пересечении Пятой, Одиннадцатой и Семнадцатой улиц, в декабре 2015 года, незадолго до выхода в свет этой гениальной книги.

Журналист Боб Друкпер, старый знакомый нашего Алексея Жирафова еще по советским временам, пригласил автора за свой счет выпить кофе-виски и в свободной манере поговорить о его творчестве, последних тенденциях в мире высокой литературы и желтой нон-фикшн.

Стенограмму беседы (товарищеского, скромного ужина) вела их общая сексуальная подружка Авгурия Хотлиб, неплохая, немного крупноватая женщина, поэтесса и художник-авангардист (можно вспомнить её недавнюю инсталляцию в Гран-Опера «Глобализация: съела всё, что нашла, и этим сделала «кучку толерантности» на соседской полянке»). Сама она из аравийских друидов второго поколения американцев.

Беседу в русском ресторане после продолжительного приема невероятного количества виски и пива, обильной горячей закуски в стиле «рюс» (с мощным, вне критики, салатом оливье, с рыбными, мясными и грибными расстегаями, вегетарианским черепаховым супом и густым борщом с чесночными сырными пампушками и вирджинской (очень жирной) сметаной, аргентинским стейком с кровью и т. д. – всё заказал Жирафов) начал известный литературный критик, талмудист и бабник, поэт и экономический диссидент, мистер Боб Друкпер.

Ω

– Дорогой, позволь мне обращаться к тебе по старой памяти – Алексис.

– Конечно, конечно. А я буду тебя звать, как в школе...

– Нет, прошу остановиться на более нейтральном!

– О'кей, тогда Боба, Бобик или Бобан?..

– Только не Бобик!

– А, понимаю!..

Алексей Жирафов, довольный, смеется, под шумок наливая себе изрядную порцию виски, со стороны может показаться, что он уже прилично «набрался».

– Извини, ты пьешь, как извозчик.

– Если старый друг Друкпер угощает, никто не имеет права отказаться.

– Пей, пожалуйста, поумереннее, нам нужно записать какое-то членораздельное интервью.

– Членовредительское...

– Не смешно... Всё, встряхнись, поехали!

– О'кей!

– Откуда это дурацкое выражение?

– Алексис, – Жирафов говорит о себе в третьем лице, – участвовал в написании сценария «Леон», мои строки – это «О'кей» и озвучка сцены животного секса между Леоном и Портман.

– Такой сцены нет в фильме!

– Её убрали продюсеры, но сцена была, литературная озвучка – моя.

– Удивил, не знал. А ты, оказывается, известный человек.

– Почему так много иронии, Бонифаций?

– Перестань называть меня этим дурацким именем! Закуси чем-нибудь!

– Всё уже съедено, (закуска еще есть, много – прим. А. Хотлиб) и думаю, что Авгурии нужно готовиться к новой инсталляции, – смеется, как ребенок, Авгурия не может удержаться и ржет в соответствии со своим избыточным весом, громко, по-лошадиному, отфыркиваясь и раздувая широкие аравийские ноздри, очень аппетитная бабёнка. Боб тоже рассмеялся.

...После небольшой паузы...

– Твоя новая книга... – о чем? Каков твой мессидж?

– Эхм... Есть много ответов, причем и физических...

– То есть?

– За такие вопросы можно и по роже получить – то есть.

– Послушай, давай вернемся к литературе, а не выяснению отношений.

После некоторого колебания:

– Согласен, пьем вообще-то на твои.

– Надеюсь...

– Что ты хочешь сказать?

– ...Надеюсь, что это не деньги прихожан и нашей любимицы Авгурии, – щиплет ее за зад, Авгурия вскрикивает, как серна (серна – поэтический образ в древнеперсидской литературе).

– Поехали дальше, не заикливайся на своих обидах.

– Я тебя не обижал, в смысле – не трахал.

– Мы будем сегодня говорить о твоём творчестве или нет?

– Еще как. Американские домохозяйки ждут наших сказок. Русских, заметь.

– На что ты намекаешь?

– Ладно... О чем книга... так?

– Да!

– Это сборник сказок, историй, написанных в разной манере, но объединенных одной идеей.

– В чем идея?

– Банальная борьба за мир и защиту тропических лесов.

– Очень оригинально.

– Да, этот посыл отличает мою книгу от других великих.

– Ну, если внимательно посмотреть – в книге много взято от обэриутов...

– Не протри взглядом дырку – американская народная поговорка. Только очень примитивный критик может поставить знак равенства между Жирафовым и ОБЭРИУ. Мы в свое время были дикими, и я, например, первый раз прочитал стихи и рассказы Хармса, Заболоцкого и Олейникова уже в солидном возрасте, лет в двадцать-двадцать пять. Мне всё понравилось, но это не имело влияния на мою писанину: как писал сам до этого, так и писал позже. Парадоксальность восприятия жизни, доведенная до абсурда, у Хармса, например, не делает это чем-то исключительно персональным. И, кроме того, мне этот облитературенный абсурд кажется смешным, но поверхностным и идиотическим, в смысле, лишенным всякого смысла, но имеющим, конечно, право на существование, как всё в этом подлунном мире. Все великие, мои учителя и товарищи, великий русский язык, литература, кино – Гоголь и Пушкин, Мандельштам, Пастернак, Уильям Йейтс, Окуджава и Бодлер, Ада Якушева, Есенин, лирика Маяковского, Ежи Лец, Гончаров со своим «Обломовым», Толстой (один), Сетон-Томпсон, Чехов, Уайльд, Аверченко и Женя Шварц (других таких нет), извращенец Набоков (наш человек), Майн Рид, Платонов, Киплинг, ещё тот сказочник Андерсен, По, Сэлинджер, Торнтон Уайлдер, братья Гримм, Конан-Дойль «Затерянный мир», Булгаков, Куприн, Бальзак, Герберт Уэллс, Шекспир, Лермонтов, Хемингуэй, Фитцджеральд, «История рассказчика» Шервуда Андерсона, Стейнбек, Марк Твен, иронист О'Генри, Гашек, Чапек и Лем, Алексан-

дры – Беляев и Грин, марафонец Том Вульф, «Пять вечеров» Володина, Борис Виан, Джеральд Даррел, отдельные вещи Воннегута, Трифонова и Шукшина, ранний Апдайк, великий Брэдбери, Винни Пух, Пятачок, Моэм, Айрис Мердок, Шекли, Саймак, Чаплин и Бенни Хилл, фильмы Кустурицы, «Большой Лебовски» Коэнов, фильмы 60-х и отчасти 70-х годов СССР, Чехословакии, Польши и Венгрии, вся мировая культура и жизнь 60-х годов, Адамс Дуглас («...по Галактике»), Вудхауз, Буковски, наш ужасный Сорокин и некоторые другие, что сейчас на ум не приходят, были парадоксальны и одновременно точны, именно поэтому им удалось гениально запечатлеть правду жизни и красоту искусства через свой извращенный, с точки зрения обывателя и примитива, глаз. Мы читаем, переживаем, смеемся-плачем, чувствуем, понимаем через иронию или сарказм, простоту или изощренность, через тепло или жестокость или мучительно или радостно начинаем понимать себя – это литература моих учителей. Обэриутчики немного добавили в несмазанные колеса мирового искусства, но они интересны, и жаль, что мало прожили. То есть им не дали пожить...

– Позволь с тобой не согласиться, в истории литературы...

– Моего согласия не будет! Для некоторых продвинутых оригинальный вздор – в прозе или поэтических кунштюках – это прием прикрыть собственную несостоятельность или на каком-то этапе своего развития, или недоразвитости в целом. Хотя, признаюсь, формально я – продолжатель Хармса, но только внешне, кое-где...

– Тобой, как я понял, будут зачитываться, потому что твоя книга – это настоящая литература. Да, кстати, основная масса твоих перечисленных учителей – это американцы...

Пауза, Жирафов наливает всем присутствующим и сам торопливо, но с чувством выпивает.

– Убираю все оскорбления, сомнения и возражения и говорю: да! Это настоящая литература, не самого высокого уровня, конечно. Все гении жили до нас...

– Что это значит?

– Меня оценят лет через двести, когда всеобщая неграмотность и падение нравов заставят народы мира взять в руки книги снова, чтобы понять, как их можно использовать, – цитирует. – «...И ныне дикий... и через двести лет... понесет...»

– Сомнительная перспектива. Сомнительная и с точки зрения здравого смысла. Ну хотя, двести лет можно и подождать, тогда и книжку оценим.

– Ну и гад же ты, Вова-карлик.

– Я просил тебя...

– Больше не буду. Пить будешь, американец?

– Буду.

– Что-то в тебе от прошлых времён осталось. Будь здоров!

Все выпивают, Рубикон интервью пройден, виски разгладило рубцы на сердце и лице, все подобрели.

– Твой пассаж о моих американских учителях... Этот феномен давно зафиксирован в анналах – настоящий русский писатель, почвенник и славянофил, не может жить без американской литературы, потому что она – наша.

– Как понимать?

– Вовастый, не хочу перечить, наконец, встретились, не говори ничего, как любил тебя до и после, так и люблю, старая ты, берберская сволочь... Мы не виделись лет десять, может, больше, а ты со мной всю жизнь...

– Лёха, ну ты чего... Конечно, я не хочу быть жёстким и циничным...

– Будь справедливым и добрым...

– ...Но согласишься, вся твоя книга достаточно... как бы сказать помягче... просто написана, при этом пронизана идеей авторского совершенства и несовершенства всех остальных.

– Превосходство – с этого начинается писатель. А в простоте – весь кайф. Как у Шишкина, одноимённых конфет (конфеты «Бурые мишки на Севере» – прим. Жирафова) или Буковски.

– Опять этот Буковски... Я, например, не считаю его чем-то выдающимся.

– Ты – дурак.

Наливают и пьют по чуть-чуть, Авгурия прильнула боком и частью бедра к Жирафову: он теплее, чем кожаный диван.

– Хорошо. Поясни свои му...цкие посвящения и регалии – «Кавалер подвязки..., кошечка из Амстердама...» и прочее.

– Это всё правда.

– Что правда?

– Что я – Кавалер и был знаком с кошечкой из Амстердама.

– Девица легкого поведения?

– Нет, настоящая уличная кошечка, которая жила неподалёку от моего жилища. Ведь я, Бобка, жил в Амстердаме, был уважаемым человеком, пил «Бордо» того года, кушал настоящий сыр и голландскую селёдку. Да, такое время...

– Ох, чёрт... – вздыхает, Жирафов опять воспользовался паузой и всем наливает, не чокаясь, выпивает самостоятельно.

– ...А Почетный житель деревни Отрада?

– Это – Награда, рифмую, я ведь – «последний поэт деревни»...

– Был Есенин...

– ...Милая деревенька, жителей – всего две бабки-посакашки, целебный воздух, чистый горизонт – от заката до рассвета... Хлеб им возил раз в неделю. Они согласились присвоить мне почетное звание. После бани как-то раз... Мы выпили...

– Куда без этого, твой творческий путь удобрен водкой и самогоном...

– ...Выпили водки, а не крови, потому как крещёные, не то, что некоторые...

– Оставь свой дремучий антисемитский юмор!

– За это нужно выпить!

Пока Боб осмысливал, за что нужно выпить, Жирафов уже выпил, Авгурия отрубилась, поэтому стенограмма дается по памяти оставшихся.

– Твое чувство юмора давно вызывает тревогу... Назвать меня антисемитом, по крайней мере, несправедливо. В школе, когда дремучие недоброжелатели и арийцы из коммуналок пытались увязать твой маленький рост и происхождение с твоей физической слабостью – напомним, ты был маленький и слабенький – кто тебя защищал, поц?

– Хорошо, хорошо, не заводись...

– Сомнения в твоей адекватности и чувстве юмора были посеяны созданным тобой Институтом Кошмаров и Сновидений. Я был уверен, что это блестящая афера...

– Не хочу тебя обижать...

– Уже не сможешь, я слишком много выпил, а потом – я твой перманентный друг и почитатель твоих попыток стать песнопевцем.

– Чтобы ты знал – я известный поэт, есть разные премии и звания...

– А звания «говнюка» нет на подушке?

– На какой подушке, алкаш?

– Которую понесут за тобой, великим и известным...

– Опять ты...

– Всё, вернемся...

Авгурия проснулась, чмокнула и снова заснула, ох, это классика.

– Старик, ты пишешь всю жизнь, известный поэт, а чувство удовлетворения наступило?

– Ну...

– ...Или мы тут все уже импотенты, в широком смысле этого слова?

– Что ты всё хамишь?

– Хорошо, я – импотент, а ты – девственница, у тебя все изнасилования и творческие подвёмы – впереди.

– Что тебя так волнует эта тема?

– Тема творчества?..

Опять пьют, задумались, Жирафов думает о женщинах, Друкпер – о чём, мы не знаем; следует признать, что Жирафов затронул острую проблему – нужно ли писать (некоторые говорят – творить) дальше, если как мужчина ты уже не нужен бабам. На этом сломались многие – Шекспир и старина Хэм, Вальтер Скотт и Л.Н. Толстой (с.р.л.), например. Да... нужно выпить...

Долгая пауза.

– Ты, наверное, слышал о том, что в Германии собираются переиздать «Майн Кампф»?

– Гитлера?

– Да, написано Гитлером.

– Надеюсь, что новое издание будет без картинок. (Пауза) Чтобы не привлекать неграмотных. Шучу. Не удивлюсь, если спустя какое-то время этот опус издадут в виде комикса или мультика.

– Тебе не кажется всё это странным.

– Кажется, и уже давно. Но я верю в будущее

– И?..

– Всех рассудит, покарает Господь Бог. И вашим Гитлером будут разжигать костры, чтобы согреться.

– Какое же место займет твоя книга?

– Достойное. На ней будут сидеть, чтобы не было простатита и геморроя.

– И для книги ты считаешь это достижением?

– Мы говорим о далеком будущем, где и критики, вроде тебя, тоже будут нуждаться в тепле. Книги живут вместе с людьми, и последние не все – хорошие персонажи.

– Да, я понял, что литературные критики – не самая лучшая часть человечества.

– Если они хвалят, они – хорошие. Если поливают грязью, значит, тяжело больны, гниды и полуфашисты.

– Спасибо за разъяснение. Имей в виду, твоя книжечка мне очень нравится.

– Значит, ты – хороший человек.

– Мне остается только поцеловать твою руку.

– На! – протягивает руку.

Друкпер еле стоит на ногах, целует руку, Жирафов обрабатывает место прикосновения антисептиком (виски). Они, в дымину пьяные, целуются взасос, как старые друзья.

* * *

Занавес.

Небольшое продолжение, придуманное А. Жирафовым.

– Благодарный читатель ждет от тебя новых творений.

– Они уже идут. Так, скоро выйдет в свет документально-художественная повесть для юношества и зрелости «Четыре сбоку...», посвященная одной тайной миссии в джунглях Индокитая.

– Что-что?

– Теперь пришло время, то есть вышло время секретности, и можно сказать правду. Ох, боюсь, некоторые головы в Генштабе и ЦРУ полетят, Обама может уйти в отставку...

- В нашем Генштабе?
- Не в вашем, а в нашем. И Обама – не наш, а ваш...
- И сколько прошло времени с того момента?..
- Почти полвека, но воспоминания рвутся к людям. Тем более, что миссия тайная только потому, что о ней никто не знал и не догадывался, что она тайная.
- Да, весьма интересно...

* * *

Опять занавес.

Возникает Шекспир...

И чуть поодаль – тень отца Гамлета... С книгой в руках... И виски... Люди, любите поэтов в себе, и обрящете...

Из цикла «Назидательные зоологические и физиологические сказки»

Некая ухвертка поступила на службу в детский сад няней-воспитателем. Дети в этом саду, обливаясь слезами, мечтали поскорее поступить в школу, армию, институт, на работу, стать космонавтами, уйти на пенсию и прочее.

Потом выяснилось, что у няни было тяжелое детство – мама и папа тоже были ухвертками. То есть пошла по семейной линии. А что делать детям?

* * *

Кобра с нескрываемой неприязнью смотрела на поросшую редкими рыжими волосами белую попу сахиба, что закрывала полнеба. Уже не сдерживаясь, кобра плюнула, попа рухнула, кобра подохла от удушья.

Вот как бывает, детки. Пожертвовав собой, кобра очистила небо Индии от колонизатора, попа же, в свою очередь, избавила окрестности от довольно эгоцентричного, не толерантного и ядовитого существа.

* * *

Когда возникает очередь в туалет, больше всего ждет сороконожка. Отгадайте – почему?

* * *

Утонченная инфузория-туфелька жила принципиально одна в стоячем водоеме, и ей не с кем было делиться.

* * *

Амеба, растекаясь по древу, закричала: «Всё вытекает из формы, но и содержание должно быть!» Когда-то наступает время, когда ты переполняешься эмоциями и мыслями. Одни после этого идут туда, другие – в другую сторону. Это закон жизни, и амеба права, хотя пиявки, например, считают её душой.

* * *

Маленький малярийный комар может изменить жизнь человека до неузнаваемости!.. Если не принимать лекарство, не мыться и вести асоциальный образ жизни.

* * *

Некая домашняя маленькая собака не имела физических данных для закрепления выделениями границ своего дачного участка и, украв у хозяйки духи, помечала ими столбы и кусты.

Люди, приезжающие погостить, говорили: «Хорошо дышится! Все-таки загород есть загород».

* * *

Городская муха пошла на базар и, поползав по мясу, колбасе, птице и хлебу, с грустью подумала: «Как всё теперь дорого!» – и ничего не купила, включая самовар. Не до сказок...

* * *

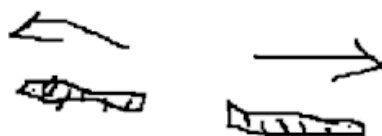
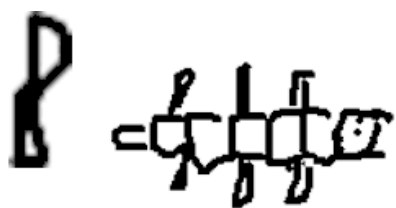
Выступления детского ансамбля горлового пения «Ветряночка» пользовались неизменным успехом у детей и взрослых. После каждого выступления все с наслаждением брали бо́льничный.

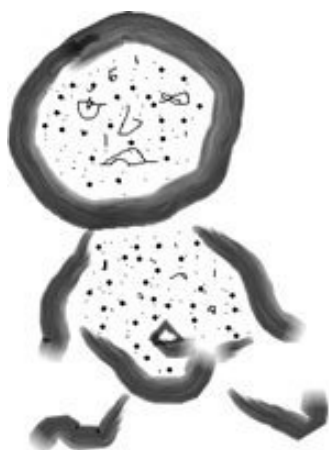
* * *

Земля затряслась, раскололась, взорвалась!.. Плоскотелка (это такой жук), удовлетворенно оглядывая свои плоские руки, груди, ноги, свой дом (плоский камень), заметила: «Жертв и разрушений нет, потому что не выпячиваемся».

Дорогой читатель!

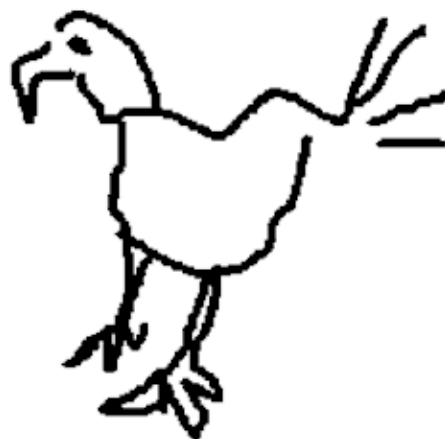
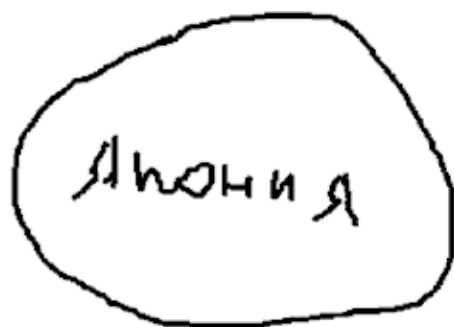
Подбери к каждому рисунку сказку, а для каждой сказки – рисунок. Победитель получит приз!

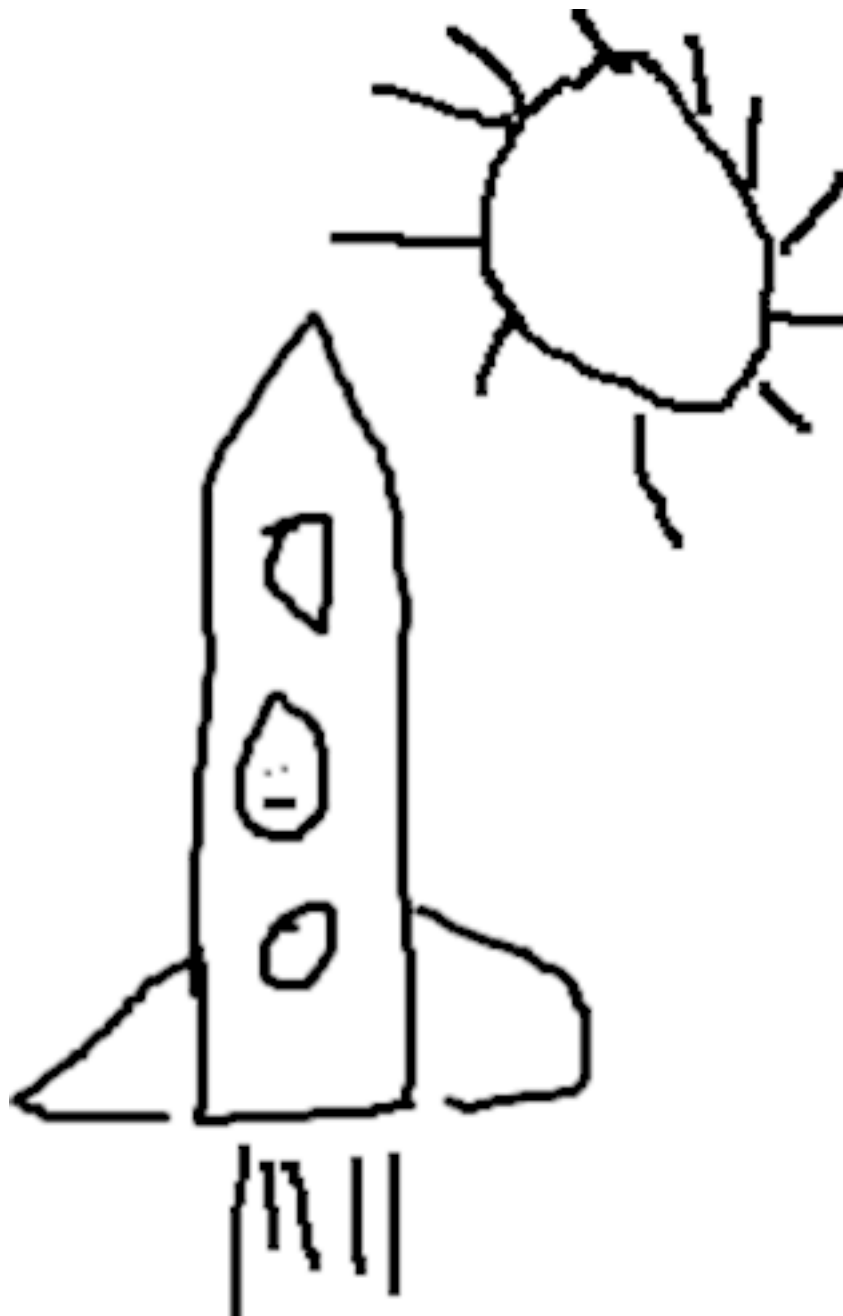

* * *

Паук, живущий во все времена года на большой паучихе, прикрепившись к её ноге, любил хвалиться перед соседями: «Моя баба у меня в руках». Паучиха, распивая у подружек чай, похотливо смеясь, говорила: «Всё, что надо, ношу с собой», намекая на частые половые сношения с бойфрендом и противозачаточные таблетки.

* * *

Муха, нацепив на себя бляху, обратила на себя внимание и стала крылатым выражением.

* * *

Лев поймал блоху в шкуре, от усилий пустил ветры и смутился. Пойманная, но хитрая блоха мечтательно произнесла: «Розан-с», – и была отпущена. Хорошо, что все живы, но история-то с душком!

* * *

В навозной куче жила семья навозников. Как-то раз мимо проходила белая лебедь. Возник не очень приятный разговор, понятно, о чем и как они вели беседу: одна – вся из себя, аристократка, говорит правильно, другие – вся жизнь в говне, это родина. Скажу критикам и пессимистам – нет здесь борьбы интересов и разных социальных групп! Всё выше описанное входит в понятие круговорота вещей, веществ и разговоров в природе и обществе.

* * *

Одна молодая, наивная, хорошенькая кишечная палочка влюбилась в одного вируса. Этот субъект, скажем прямо, был сволочью, каких поискать. Дальше коротко и ясно, как в романе Л. Н. Толстого, – «поматросил и бросил».

Наша палочка не скатилась вниз, не ожесточилась, прожила достойную жизнь, где было всё: и плохое, и хорошее. Помогли, конечно, друзья, родственники, семья (чуть не сказал «... и комсомольская организация»).

А главное, что палочка имела внутренний стержень!

* * *

Таракан своим интеллектом борется за место под солнцем с выпускниками многих вузов. И частенько побеждает! (Кроме МИФИ и биофака МГУ, это лидеры нашего высшего образования.)

* * *

Дети обожают слонов. Если перекинуть внимание на жуков-навозников, следующих по дороге жизни за слонами, их никто не любит. Но своим титаническим трудолюбием, упорством они заслуживают хотя бы элементарного уважения. Они не жалуются, не ноют, а условия их жизни и работы нельзя назвать человеческими. Но знаете, как показали недавние подглядывания, и у них есть место хорошему настроению, с песнями и плясками, под самодельные цимбалы и тамбурины!

* * *

Игральные карты и бумажные деньги для многих поколений простых бактерий и вибрионов – это и родной дом, и университет жизни. Какое количество разных лиц (рук), жизней, судеб проходят через них! Если бы у них была азбука и письменные принадлежности, то Гомер и Достоевский никогда бы не написали свои гениалы! И вообще, ни гомеров, ни достоевских, ни лебедева-кумача не было бы, потому что сразу после получения азбуки и принадлежностей

они должны были захватить почтамт, вокзалы и детские сады, дальше человечество деградирует, ничего не пишет, в деревнях пьют, в городах – реклама и падение нравов... Становится страшно от таких пророчеств, мойте руки перед едой... хотя бы!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.